

Елена Севрюгина

г. Москва

Февральское

бессонница бесснежье стивен фрай
 зима стеклобетонные пейзажи
 но есть ещё надежда на февраль
 тобой и мной придуманный февраль
 который ляжет
 надорванным конвертом на трюмо
 чуть-чуть горчит глоток бумажной речи
 скорее встань посуду перемой
 потом гулять о чём ещё зимой
 о чём под вечер
 а впрочем всё такая чепуха
 сминаю слов податливое тесто
 и в сотый раз ну кто не без греха
 дроблю стальную музыку стиха
 на интертексты
 пока в сети стенают фрост и пруст
 цепляю жизнь на удочку де вега
 в начале грусть и до начала грусть
 порывы ветки ветра лёгкий хруст
 и шёпот снега

Греки

через реку проезжали греки
 на реке спросил у грека грек
 век ли прорастает в человеке
 или человек вращает в век

кто кому опора корни крона
 где причинно-следственная связь
 удивлённо каркнула ворона
 кое-как на ёлку взгромоздись
 так и шли покуда не устали
 греки говоря наперебой
 забирая времени детали
 оставаясь веком и собой
 расцветали яблони и груши
 не было ни ругани ни драк
 жаль потом спокойствие нарушил
 цапнувший за руку грека рак

Прогулка

теперь понятней что ни говори
 смотри со дна увидишь изнутри
 какая злая *fatum* нами вертит
 вдоль площади на ленинском проспекте
 фантомно вырастают фонари
 сморгну с ресниц внезапный непокой
 уже легко не правда ли легко
 не об одном а многое о малом
 пройдемся тут от силы два квартала
 до продуктовой лавки Глеб и Ко

ты любишь одиночество и тишь
 полётом воздух испарывает стриж
 а я люблю грозу в начале мая
 ты говоришь но я не понимаю
 твои горишь-творишь-паришь-Париж

твой сад камней в твоём саду камней
 я о тебе ты как всегда о ней
 надежда никого не излечила
 и не равны друг другу величины
 а можно бы нежней ещё нежней

Варила щи

варила щи компот варенье
колола на зиму дрова
слетали с уст стихотворенья
пустые мертвые слова

созвучья пестовала нежно
сплетая вздохи с тишиной
а небо оставалось прежним
внутри меня и надо мной

под гнётом квасилась капуста
слепые сонные в углу
от боли умирали чувства
зачем-то сказанные вслух

Людимы

люди люди где вы нынче есть
людям заворачивают взвесь
неживого с примесью живого
отсырев под пальцами дождей
люди убегают от людей
на исходе дня сторожевого
в ульях улиц лужи-волдыри
разрывают город изнутри
мокрым следом тянутся до станций
снова замыкается кольцо
пятится знакомое лицо
пожелав неузнанным остаться
у пруда знакомая скамья
там где я которая не я
каждый раз глазеет на прохожих
в мире вещи вечен ли девайс
люди люди я смотрю на вас
в тонкие просветы толстой кожи
отчего идущим вдоль реки
запретили скрипки и смычки
отчего улиточные лица
тянутся вдоль летнего ларька
думают побеги тростника
адовой водой опохмелиться
и сто лет холодная война
а вокруг бушует тишина
та которой мы когда-то были
застывает времени песок
зарится на золото ясон
поставляет слитки в аргмобиле
время нас торопится прочесть
люди люди где вы нынче есть

Квадрат

по учению Сократа
человек ценней карата
банкомата циферблата
и теперь вот верь не верь
я гуляю по квадрату
по широкому квадрату
по ужасному квадрату
и гадаю где тут дверь

говорили строго глядя
папы мамы тёти дяди
чтобы жить при всём параде
откажись от чепухи
в этом мире умном строгом
места нет гипопорогам
так же как единорогам –
это всё твои стихи

и теперь дома ли хаты
реки вёрсты полосаты
жёлтым глазом хитровато
смотрит ворон на суку
мне обидно из квадрата
мне не видно из квадрата
мне не выйти из квадрата
потому что это куб

Охота

*суть реальное что-то.
Краснеет флажок.
И бессилён помочь третий
глаз,
потому что трубит за спиною
рожок,
и охота уже началась.*

Михаил Дынкин

ночных теней пугается трюмо,
а мир, что безразлично полигамен,
расшатывает время под ногами
и резко сокращает путь домой
стрелок не спит – настало время жатв,
ещё страшней и урожайней прежних,
а мы дрожим, соскальзывая в нежность,
замороженно за руки держась
и всё в глазах сливается, рябит,
и ждём с опаской, звери-побратимы,
когда же рог – стальной, неотвратимый,
охотничий – над нами протрубит